

Игорь Шестков "Граффити"

ГРАФФИТИ

Как приятно и весело жить на родине, общаться с соотечественниками, говорить на родном языке и вдобавок – въехать в новую, чистую двухкомнатную квартиру с молодой женой-милашкой!

Комнатки у нас правда небольшие, крохотная уютная спальня, пятиметровая кухонька с шкафчиком, столиком и двумя табуретками, на стене картинка – портрет кота, вместо правого глаза у него – окошко, сквозь которое видно волшебный пейзаж с королевой и фламинго – из «Алисы в стране чудес», и гостиная, в которой едва уместились книжные полки, два кресла, стол и диван. Все это правда не новое и не шикарное, потому что жена не работает, а моей зарплаты служащего туристического агентства едва хватает на то, чтобы сводить концы с концами.

Шеф сказал недавно мне и напарнику: «Чтобы лучше жить, надо больше работать. Контракты нужны. А в вашу нору клиенты и не заглядывают. Может вам у входа встать и начать их зазывать? Как на Репербане?»

Сам бы встал и зазывал, сволочь. Ну да, клиентов у нас не много. Только это не потому, что наше бюро – нора, а потому что у них денег нет в нью-йорки или мельбурны летать. Так и сидят себе всю жизнь в городе. Кризис проклятый... террористы, войны... мы тут не при чем. Но разве шефу что объяснишь? Тупица во фраке. Гусь.

Да, мы с женой люди бедные... и не гордые... рады тому, что есть... и радость нашу не омрачает то, что квартира наша на первом этаже двадцатиэтажного дома и из всех ее трех окошек видно только глухую стену стоящего в пяти метрах от нас супермаркета, уже год как закрытого. Так что дома у нас всегда сумерки, а за продуктами приходится ходить на рынок, который от нас в полутора километрах. Там все дорого и продавщицы грубиянки. Хамят и обсчитывают. Булочка там стоит два франка. Фунт сливочного масла – восемь. А я в месяц зарабатываю четыреста пятьдесят.

...

Жили мы экономно, но мирно и счастливо.

Танцевали под патефон. Часто смеялись. По воскресеньям ездили на переполненной городской электричке на рыбалку. Ловили золотых карасей на близлежащих озерах. Загорали, компенсировали как могли отсутствие солнечного света у нас дома. Но вместо карасей нам почему-то все время попадались на крючок пятнистые треххвостые слизняки и тритоны. Вечерами читали друг другу до трухи зачитанные книги из моей детской библиотеки. Других книг у нас не было. Телевизора тоже не было, зато у нас был старый ламповый приемник с зеленым глазом. Слушали новости и симфонические концерты. Спать ложились в девять. Любили друг друга. Изможденные страстной игрой, засыпали. Я спал хорошо, а жену часто мучила бессонница. Она просыпалась в час волка и не могла заснуть до утра.

...

Мери не раз предлагала мне нарисовать на стене супермаркета граффити. Я ведь много лет назад баловался аэрозолями и она это знала. Рисовал-то я рисовал, но ничего путного из этого не вышло. Мери хотела видеть из окна радостную картинку...

Море, волны, кораблик плывет, непременно парусник, островок с пальмами, пляж... и чтобы на островке жили он и она – он похож на молодого Марлона Брандо, она на Бетти Дейвис – а по пляжу бегали несколько загорелых голых детишек с растрепанными золотистыми волосами. Чтобы там стояла хижина, а рядом с хижинкой паслись на лужочке несколько коров и пони. И чтобы в гриву пони были вплетены красные и оранжевые ленты.

И чтобы бабочки летали и стрекозы. И солнышко светило...

Чтобы в море рыбки плавали, осьминоги разные, медузы и дельфины, а на земле чтобы цветочки, цветочки, ромашки-васильки...

А где-нибудь в уголке – обязательно мрачноватый Джон Леннон в красных круглых очках. И улыбающаяся Йоко Оно в кепочке.

А над всем этим чтобы ангел летал. Желтый как Будда.

...

На стене супермаркета однако граффити уже было нарисовано, и давно, так что

краска местами облетела – я предполагал, что его нарисовали предыдущие жильцы нашей квартиры, обкуренные хиппи с испорченным вкусом и дурными манерами – три brutальные гориллы, сидящие по-турецки, в два человеческих роста каждая, в солдатских касках и противогазах. В лапах у обезьян – фотокамеры, а на их коленях лежит обнаженная девушка с синей кожей. На заднем плане – мрачный индустриальный пейзаж.

Где же эти уличные художники трубы и фабричные корпуса у нас увидели? Похоже на нефтеперерабатывающий завод. В нашем городе уже лет десять как закрыты все фабрики и заводы. Прогорели. Проданы конкурентам. Здания их разрушены. Руины разровнены бульдозерами. На их местах разбиты парки, посажены сады. Защитников природы у нас много, только толку от них мало. Ничего не растет на отравленной почве кроме какой-то белесой плесени. Даже муравьи не живут на этой земле...

Да-с, лежит себе эта нарисованная красotka и пристально смотрит со стены прямо в окно нашей гостиной. И гориллы тоже упорно сквозь стекла противогазов на наши окна пялятся. Пугают.

Недобрый знак.

Я, когда мне маклер квартиру показывал, как увидел глухую стену и эти морды на ней, и эту, синюю, сразу отказаться хотел... но одумался... с нашими-то деньгами выбирать не приходится. Сняли, что смогли... Надоело смертельно жить в гетто, в неотопливаемом бараке в обществе тещи, распушенной ворчливой стервы-алкоголички и ее кошмарных мажоров.

Да-да, бедность проклятая!

А когда на наш город опускается здешний сернистый туман, а случается это тогда, когда ветер из Канады дует, с рудников, – взгляд синей Венеры со стены супермаркета становится как-то особенно загадочен и зловещ. А гориллы – в неверном туманном свете – как будто подрагивают. Дрожат и глухо бурчат что-то в своих противогазах.

Так и живем – как большая семья – жена, я, синяя девушка и три огромные обезьяны...

...

Чтобы нам увидеть небо, надо открыть окно, высунуться и посмотреть вверх.

С одной стороны – громадная стена нашего дома, бетонные блоки да окна. С другой – двухэтажный супермаркет. А между ними бежевая полоска неба, исчерченная черными линиями – это провода. У нас всюду провода.

Однажды я видел там, наверху, Луну.

Ночь была ясная, дом наш выглядел особенно мертво... ведь в нем никого, кроме нас и соседей по лестничной клетке нет... лестница, ведущая наверх, давно заколочена, лифт не работает... в нашем городе много оставленных жителями башен... они пустые и страшные, некоторые уже упали.

Да, Луна светила вовсю, и в ее свете мне показалось, что голубые глаза синекожей фурии со стены супермаркета сверлят мне на переносице дырку... гипнотизируют... внушают мне какую-то мысль, которую я не могу понять... и вот... что это? Она ловко соскочила с мерзких коленей своих телохранителей-приматов и, вытянув руки, медленно полетела ко мне... тело ее стало полупрозрачным... она улыбалась.

А гориллы стянули со своих морд противогазы и гоготали... показывали мне свои острые зубы и щелкали допотопными камерами. Они снимали ее.

Удивительное чувство, когда наяву бредишь. Заставил себя очнуться...

Протер глаза, облил голову ледяной водой в ванной – горячей у нас не было уже месяца три – и ушел в спальню. Мери мирно спала на нашем двуспальном ложе, которое я сам сколотил из краденых в брошенных домах деревяшек. Три дня, помню, потел, собирал, красил, лакировал... а когда лак высох, и я положил на мое детище на последние гроши купленные мягкие матрасы, а Мери постелила свежестиранные белье – льняные простыни и пододеяльники, а потом осторожно легла на кровать и легким кивком головы пригласила меня лечь рядом... радости моей не было предела. Всю ночь мы любили друг друга, только под утро уgomонились. Выпили припасенное для особых случаев шампанское. Мери забеременела.

...

Жена суеверно боялась и обезьян и эту синюю диву... однажды она, волнуясь, поведала мне громким шепотом... будто видела ночью, во время бессонницы, как нарисованные фигуры, все вместе, вчетвером, сходили со стены и заглядывали потом к нам в окна. А синяя девица пыталась своими длинными

пальцами утопленницы открыть форточку в гостиной. Жена слышала, как ее ногти скребут деревянные рамы.

«От этих звуков меня затошнило, пришлось бежать в туалет, а когда я вернулась, все было как всегда... стена, граффити, по тротуару собака неслась бездомная, а разбитый фонарь, ну тот, справа, то загорался, то тух. На проводах сидели, как статуи, несколько ворон. Их тени казались мне раскачивающимися великанами. Я долго не могла прийти в себя. Пришлось принять успокоительное. А оно на плод плохо влияет...»

Я тогда успокоил жену и задумался о том, от чего придется отказаться, чтобы купить ведро краски и большую плоскую кисть... Решил сэкономить на обедах. И, о, радость! Купил через несколько дней и краску и кисть, и замазал наконец проклятых обезьян. Теперь у нас из окон было видно только серую стену. Точнее – большой серый прямоугольник на глухой бурой стене.

...

Невозможно предугадать, откуда придет следующая напасть.

Наши соседи – старуха Никки и два этих оболтуса, Тим и Том – все трое выказали свое недовольство уничтожением граффити перед нашими окнами. В грубой, унижительной для меня и Мери форме. Не перед их носами, заметьте, маячили эти зверюги, а перед нашими. Моим и жены. Какое их дело?

Никки заявила Мери, что «без милых животных и их синекожей красавицы опустела не только стена, но и сама наша жизнь в этом проклятом Богом месте стала еще более скучной, бессмысленной и безнадежной», что «она конечно не надеялась на то, что мы, ее новые соседи, люди заведомо чуждые и искусству и тонким метафизическим материям, способны оценить этот маленький живописный шедевр неизвестного мастера... но не ждала, что варварское и не одобренное другими соседями уничтожение произведения искусства произойдет так скоро!»

Мне бы она не посмела подобное сказать... я бы ей ответил, еще как ответил бы. Я могу и пожаловаться! У меня есть связи в известных кругах. Со мной шутки плохи! Чертова ведьма!

Тим и Том, эти вечно торчащие дома бездельники, безработные или вечные студенты – говорят даже, они не просто приятели, а... – устроили мне нечто

вроде обструкции. Когда я выходил на лестничную клетку, они уже ждали меня, стояли рядом, оба в одинаковых голубых костюмах с розовыми галстуками и бойскаутскими значками на лацканах, смотрели в потолок и возмущенно мычали. А потом сейчас же доставали краски и кисти и начинали быстро-быстро замазывать серой краской две пестрые картинки на своих измызганных мольбертах. И так – неделю.

Как же я сразу не догадался? Не наши хиппари, а эти фанфароны небось и нарисовали и обезьян и синюю девушку. Надо было у них разрешение попросить на уничтожение шедевра, объяснить. Ну да ладно, что сделано, то сделано. Зато жена будет спокойна, а мне чертовщина мерещиться перестанет.

...

Недели через три после уничтожения обезьян началось это...

Распад. Регресс. Падение.

Я вдруг обнаружил в нашей гостиной пепельницу. Полную окурков. Пахли они омерзительно.

Представляете себе? Я целый день работал в нашем бюро, выслушивал длиннющие рассказы этих старых сов, вдов чиновников городской администрации, моих единственных клиенток. Одна рассказала мне в деталях о том, как изменял ей ее муж, раздражительный сенильный старик в брюках с лампасами и шляпе с плюмажем, кавалер каких-то паршивых орденов, которыми наше щедрое отечество награждает знатных взяточников и коррупционеров, почти полностью разграбивших городскую казну за время долгой и безупречной службы. Другая обшлюнявила меня подробностями ее разрыва с влиятельным любовником, случайно приходящимся ей родным дядей. Третья рапортовала о своих злоключениях в Таиланде, жара ее видите ли замучила, и крылатые тараканы одолели. А местные смуглые мальчуганы так и не захотели, даже после того, как им посулили золотые горы, возлечь на ее прелые тела... Четвертая вынуждена разорвать с нашей фирмой контракт на трехнедельный круиз по Карибскому морю. Потому что она в последний момент нашла более выгодное предложение. Пятая требует возместить ей моральный ущерб... который она якобы понесла от некрасивого жеста араба в Ливане, который «угрожал ей соковыжималкой, называл ее американской вонючкой и показывал обнаженный

зад».

И после всех этих мучений я прихожу домой, надеясь обрести покой и получить мою маленькую капельку счастья... к моей любимой жене, с которой мы тогда как раз собирались вместе перечитать «Приключения Гекльберри Финна», главу про «ангела смерти», и что же я замечаю на столе в гостиной?

Пепельницу, полную окурков. Кто тут курил?

Я конечно и виду не подаю... а Мери берет эту пепельницу и опорожняет ее в мусорный мешок, а затем кидает в него еще какой-то мусор... а пепельницу тщательно моет и прячет в шкафчике с посудой.

Значит, у нас дома творится что-то нехорошее.

...

Ничего я Мери тогда не сказал. Ни об окурках, ни о пепельнице, ни о моих подозрениях. Решил затаиться и наблюдать, что бы ни случилось.

Два-три дня ничего вроде не происходило. Мы жили как обычно, а Гекльберри Финна дочитали до того места, где Гек и Джим отправились по Миссисипи на плоту.

Мери неожиданно сказала: «Знаешь, Патрик, кажется ты зря замазал обезьян и девушку, интересная была картинка, занимательная... Синяя девушка чем-то напоминала мне мою умершую сестру, Элоизу. Когда я готовила на кухне, то смотрела на нее и делилась с ней моими мыслями. И она мне отвечала... А теперь стало и впрямь как-то пусто... Этот серый прямоугольник перед носом – еще хуже обезьян и фабричных труб. Может, ты все-таки купишь краски и нарисуешь море и остров?»

– Ты же сама боялась этой картинки! Остров с хижинкой? Я больше десяти лет не рисовал. Не осилю... Пони, дети, Ленон.

– Просто ты ничего не хочешь для меня делать! Я весь день в доме убираю, чищу и готовлю. Ношу под сердцем твоего ребенка. А ты торчишь в этом ужасном бюро и точишь ляды с этими старыми курицами. А потом не можешь исполнить даже самой маленькой моей просьбы. Ты эгоист.

– Обратись к этим придуркам-хиппарям, к Тиму и Тому. Они тебе нарисуют таинственный остров и лошадку с цветочками.

– Как тебе не стыдно, шовинист! Они не придурки, а очень чувствительные и

интеллигентные молодые люди. Собираются поступать в докторантуру Школы искусств в Миранде.

– Они педерасты и мужеложники!

– Это их частное дело!

– Это они тут травку курили, когда я на работе был? И ты с ними покуривала? Разговор этот ничем хорошим для меня не кончился. Мери обиделась. Я даже начал замечать в ее взглядах на меня – легкое отвращение. Да, я стал противен своей собственной жене, которую любил, ради которой жил. Хотя и не мог упрекнуть себя ни в чем, кроме нескольких резких слов о наших соседях. Счастье потихоньку ушло из нашего дома.

По вечерам мы сидели в разных углах нашей убогой квартиры. Спал я на софе в гостиной. По ночам вставал и смотрел на стену супермаркета. На серый прямоугольник на фоне угольно черной стены. И мне казалось, что сквозь краску проступают контуры обезьян в противогазах... и просвечивают синие глаза обнаженной красавицы.

...

Недели через две после нашего разговора, Мери перестала готовить и убираться дома.

На полках начала скапливаться пыль, на полу – грязь.

Туалет пах нестерпимо. По кухне поползли тараканы.

Сил на уборку и готовку после мучительно долгого рабочего дня у меня не было.

Служанку нанять я не мог, не было средств.

Первое время я еще пытался сам подметать, мыть, варить суп и жарить яичницу.

Пробовал кормить Мери, но она отталкивала ложку с супом или выплевывала на пол то, что я всовывал ей в рот.

Жизнь моя стала не просто печальной, а невыносимой. Мери сидела весь день в нестиранной одежде в кресле и смотрела в окно. На стену. Что-то бормотала и напевала. Качала головой с неммытыми, клокастыми волосами.

Она болезненно похудела, а живот ее наоборот, вырос до размеров большого лунного глобуса, украшавшего когда-то физический кабинет нашего колледжа.

...

Когда у Мери начались схватки, я сидел в бюро. Мой шеф как раз пришел

объявить мне и моему напарнику, симпатичному индийцу Чангу, что наше бюро закрывается и мы уволены. Чанг был доволен. Сказал мне, что уедет назад в Индию и попробует там открыть туристическую фирму. Звал меня с собой. Я не понимал, что он говорит. От плохой еды у меня уже несколько недель болел желудок. Меня тошнило.

Я приволокся домой оглушенный и испуганный. По привычке хотел рассказать Мери, что произошло. Открывая входную дверь вспомнил, что не говорил с женой уже четыре месяца.

Мери не было дома!

На линолеуме в гостиной я обнаружил большую лужу неизвестной мне жидкости. Лужа пахла кровью. В беспомощности, ничего не соображая и корчась от боли, я вышел из дома и побежал в близлежащую клинику.

Там мне сообщили, что Мери привезли в больницу на своем старом Форде Тим и Том, что у нее были осложненные дистрофией и сердечной слабостью роды... неправильное положение... пуповина обвилась вокруг горла младенца... кровотечение... закончившееся смертью плода и матери. Персонал клиники просит принять соболезнования...

Я был так оглушен горем, что потерял сознание и упал на мраморный пол.

...

Жизнь продолжалась.

Ходить на работу было не надо.

Я сидел день и ночь в том же кресле, что и моя жена, и глядел на стену супермаркета.

Ко мне регулярно приходили три обезьяны и синяя девушка с голубыми глазами. Обезьяны рассаживались на нашей софе и смотрели невидимый телевизор, а синяя красавица садилась ко мне на колени и целовала меня в губы.

Есть я перестал, аппетита больше не было. Пил воду из под крана.

Ловил в кухне тараканов и отрывал им головы и ноги.

Через два месяца пришли полицейские, зачитали мне постановление суда и объявили, что я должен оставить квартиру. Я сказал им, чтобы они убирались.

Запустил в них патефоном.

Два дюжих сержанта взяли меня под руки, вывели из дома... притащили на какой-то пустырь, избили и бросили в грязную канаву.